

СВЕРХТЕКСТЫ

DOI 10.37386/2305-4077-2020-3-51-65

О. В. Вороничева¹

Брянский государственный инженерно-технологический университет

БРЯНСКИЙ ТЕКСТ ИГОРЯ НЕПОМНЯЩЕГО

Реконструируется и анализируется с точки зрения содержания, структуры, способов создания художественная модель города, представленная в брянском тексте И. Б. Непомнящего. Выявляется смыслообразующая функция культурно-исторических реалий, способствующих мифологизации образа реальности. В качестве смысловых констант выделяются прежде всего железная дорога и парк, структурирующие художественное пространство и определяющие визуальный, акустический и содержательный облик города. Отмечается смысловая целостность городского пространства и вместе с тем описываются различия в специфике изображения локусов, прообразами которых послужили соседние, но достаточно удаленные друг от друга административные районы города, заметно отличающиеся по характеру, возрасту, образу и способу жизни. Особая значимость придается тому факту, что в поэзии И. Б. Непомнящего впервые в брянском тексте воссоздан многоплановый и глубоко индивидуальный образ относительно нового городского района – Фокинского.

Ключевые слова: брянский текст, И. Б. Непомнящий, город, локус, хронотоп, поэзия, мифологизация, метафора, семантика, локус.

O. V. Voronicheva

Bryansk State Engineering Technological University

BRYANSK TEXT BY IGOR NEPOMNYASHCHY

The artistic model of the city presented in the Bryansk text by I. B. Nepomnyashchy is reconstructed and analyzed from the point of view of its content, structure, and methods of creation. First of all, the railway and the Park stand out as constant images, which structure the artistic space and determine the visual, acoustic and content appearance of the city. It is noted the semantic integrity of urban space and, however, revealed differences in the specificity of the image loci, the prototype of which was adjacent but rather distant from each other of the administrative areas of the city that differ in character, age, and way of life. Special significance is attached to the fact that in The poetry of I. B. nepomnyashchego for the first time in the Bryansk text created a multi – dimensional and deeply individual image of a relatively new urban area-Fokinsky.

Keywords: Bryansk text, I. B. Nepomnyashchy, city, space, time, poetry, mythologization, metaphor, locus.

Художественной литературе принадлежит ведущая роль в концептуализации локальных текстов культуры, поскольку они «имеют преимущественно филологическую базу» [Люсый, электронный ресурс, <http://politconservatism.ru/experiences/krymskiy-tekst-i-semanticheskie-voyny>]. Локальный аспект художественного

¹ Ольга Викторовна Вороничева, кандидат филологических наук, доцент по специальности «Теория и история культуры», доцент кафедры философии, истории и социологии Брянского государственного инженерно-технологического университета (Брянск).

произведения проявляется в «привязанности мифопоэтического образа к определенному, чаще всего реально существующему месту» [Щукин, 2012, с. 45]. Поэзия как особый род литературы полнее, чем все другие формы познания, способна выразить душу города, поскольку имеет в своем арсенале наиболее разнообразные средства художественной выразительности.

Мы задались целью реконструировать и проанализировать с точки зрения содержания, структуры, способов создания художественную модель города, представленную в брянском тексте Игоря Борисовича Непомнящего – поэта, кандидата филологических наук, Заслуженного учителя России, отличника народного просвещения².

С Брянском Игорь Борисович, как и его лирический герой, связан своей судьбой: «В этом городе им прожита половина столетия...» [Непомнящий, 2013, с. 5] и осознает родной топос как мудрого собеседника, приобщенного к тайнам бытия. Город не просто олицетворяется, он – одухотворяется и предстает глубоко мыслящим и чувствующим существом, например, остро переживающим праздник Рождества: «Скажи, какой оракул / Какую весть принес, / Что целый город плакал / И не стеснялся слез? / Так плачут, вспоминая / Всем опытом земным, / Что есть душа иная / И ею ты храним...» [Непомнящий, 2013, с. 64]. Город деликатен в своем внимании к лирическому герою, незримо и ненавязчиво бережет его покой: «Не желая и жестом себя обнаружить и рта не / Открывая, за ним наблюдает из тьмы безголосой» [Непомнящий, 2013, с. 5].

Благодаря широкому спектру ассоциаций реальное пространство раздвигается и обретет смысловую емкость. Как в вечности, в нем сходятся эпохи и страны, представленные именами поэтов, художников, мифологических и исторических героев; прозрачно-серебристая сирень, например, напоминает картину импрессиониста [см.: Непомнящий, 2013, с. 56]. В поэтическом воображении все пережитое, воплощенное или не воплощенное в слове, пополняет духовный опыт человечества, материализацией и атрибутом которого выступает книга: «Книга осени темна»; зимний «день, как перебеленная повесть, / Станет в тесный ряд любимых книг. / Втиснется меж томом Пастернака / И романом старшего Дюма» [Непомнящий, 2013, с. 57]. Пространство города насыщается литературными аллюзиями и реминисценциями: «Матовость элегий Соколова / В синем зимнем воздухе сквозит»; «Ярко розов снег в лучах восхода / И громоподобна тишина, / Будто бы державинская ода / У зимы в крови растворена» [Непомнящий, 2013, с. 26–27]. Прочитанный, как книга, обычный среднерусский город населяется персонажами мировой литературы: «Кажется, кто-то / Идет, робея, / Плащ Дон Кихота, / Шарф Дульсинеи, / Кажется, будто, / Новый Рабле / В эти минуты / Явлен земле» [Непомнящий, 2013, с. 6]. Выход за реальные пределы способствует мифологизации пространства: «А когда изнаюю

² Материалом исследования послужили художественные произведения И.Б. Непомнящего, опубликованные, а также существующие пока только в рукописи и размещенные на страничке поэта в социальной сети Facebook [Игорь Непомнящий, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522].

в доме отчет / И произведу разведку местности, / То и обнаружу между прочим, / Что мистифицирую окрестности. / Или сам я что-то вроде фейка / И, следя за мною, вновь обманется / Бунинская тёмная аллея, / В лермонтовском небе тучка-странница?» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522].

В поэтической картине мира И. Б. Непомнящего интересно трансформируется уникальная географическая примета Брянска – его территориальная разбросанность и значительная протяженность, ставшая атрибутивной чертой брянского текста [см., например: Метельский, 1974, с. 102; Данилов, электронный ресурс, <http://www.rulife.ru/mode/article/197>; Егорыч, электронный ресурс, <http://samlib.ru/e/egorych/54675.shtml>]. Реальная пространственная и архитектурная неопределенность, несформированность культурного ландшафта города, в реальности сопряженная с пустотой и смысловой разреженностью, преобразуется в интереснейшее качество, определяющее облик и характер художественного пространства – за призрачностью и размытостью красок скрывается манящая тайна: «Вне образцов он / Неузнаваем: / Недорисован, / Недоизваян, / Как бы окрашен светом чужим, / Нежен, протяжен, / Непостижим» [Непомнящий, 2013, с. 6]. Ширина пространства обретает глубину, многомерность и семантическую емкость. Ему соответствует концентрированное время, в котором, как в вечности, сосуществуют разные планы (прошлое, настоящее и будущее) и пласты (субъективный, событийный, исторический). Например, в сборнике «Час снегопада» город видится автору «в дымке метельной» «в час колыбельный» [Непомнящий, 2013, с. 6]. *Метель* и *ночь* в наибольшей степени способствуют трансформации реального пространства, на основе которого художник творит свой образ. За ночной метельной пеленой, размытостью и призрачностью очертаний скрывается обилие образов, динамичных и загадочных. Художественное воображение дорисовывает «непроявленные» черты.

Тем не менее город наделяется совершенно конкретными характеристиками благодаря описанию реально существующих в нем историко-культурных и природных элементов, которые группируются в соответствии с их территориальным расположением: 1) тюрьма, стадион, парк, музыкальное училище (Советский район); 2) железная дорога, школа, парк, сквер, двор (Фокинский район). Став частью художественного мира, они формируют визуальный, смысловой, акустический облик двух не похожих друг на друга городских локусов, соотносимых с двумя административными районами: Советским (центральным, являющимся прямым наследником старого Брянска) и Фокинским (периферийным, молодым – вошедшим в состав города в XX в.).

Советский район составил место действия «маленькой поэмы» «В осенний день» [Непомнящий, электронный ресурс, brianskie.pf/v-osennij-den-malenkaya-роема-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLKbK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mhxZyZvS5N3B7ip0Q]. Действие в ней происходит в замкнутом пространстве, имеющем четырехкомпонентную структуру: тюрьма, стадион, парк, музыкальное училище. Все перечисленные элементы тесно соседствуют друг с другом и находятся в центральной части реального города. Автор акцентирует внимание

на расположении прежде всего тюрьмы – «в самом центре города», – подчеркивая ее значимость для структурирования художественной действительности, попутно, т. е. в скобках, как второстепенное, справедливости ради, определяет место локуса в пространстве реальном: «(вернее, / Не в центре, но поблизости)». Тюрьма в центре города – нарушение канонов градостроительства, отголосок прошлого, свидетельствующий о проблеме роста: в старом Брянске тюрьма располагалась на окраине; после войны, с расширением городской территории, вокруг режимных корпусов 1780 и 1905 гг. постройки «возвели высоченный забор и административно-культурные служебные помещения» [Непомнящий Н. А., 2015, с. 50]. Выбор синонима: вместо нейтрального *тюрьма* – устаревшего *каземат*, имеющего к тому же еще и другие значения, – обращает к проблеме, актуальной для каждого индивидуального сознания, – проблеме духовной свободы, путь достижения которой был задан Чеховым: *выдавливать из себя по каплям раба* [Чехов, 1976, с. 133].

Далее действие переходит на городской футбольный стадион, расположенный в одном квартале от *каземата* и представляющий собой место бурных драм, участники которых не индивидуализированы, являются частью «тысячеголового» стадиона, оголтелого от восторга и негодования. Глагол «бесновались» наводит на ассоциации с темной, демонической, силой. Авторское замечание: «Лишь стыда / Не наблюдал я...» – подчеркивает низменность чувств и неразвитость сознания этих свободных граждан, чей «рев», доставая до слуха «охранников и зеков», рождал у последних «бесцельную, смертельную тоску» «по жизни ветреной и милой», «крылатой и бескрылой, / Но все равно таинственной и долгой». Предчувствие тайны уравнивает всех живущих в этом мире, а способность к ее постижению, напротив, служит типологическим признаком избранного меньшинства.

Наиболее тесно по отношению друг к другу расположены стадион и парк, который «еще во время оно» «отъединен от стадиона / Решеткой высотой метров в шесть...» Это вертикальная преграда, несмотря на высоту, прозрачна и призрачна, поскольку разделяет всего лишь мирские стремления человека к полноте проявлений в земной жизни – настоящей (стадион) или будущей (парк). Парк связан с юношескими исканиями героя, грезящего о бессмертии в искусстве: «бессмертье, / Доступном резцу и топору». Эти размышления созвучны настоящему – идее «гибнущего века» «смерть перебороть» благодаря разумной творческой деятельности, правда, не всегда сообразной естественным законам природы и свободной воле человека. Век – палач и мечтатель – преобразует жизнь по своему дерзкому хотению. Деревянные скульптуры – главное достояние парка, сделавшее его знаменитым, выточены их погибающих (на тот момент еще живых) деревьев. В интерпретации автора, ствол, оставшийся после вмешательства человека, – «безумец и калека – / Родня и жертва гибнущего века».

«В двух шагах за парковой оградой» (граница слегка увеличивается в горизонтальной плоскости) изображается музыкальное училище (в реальности оно слегка отдалено от всех описанных локусов, т. е. расположено «немного в стороне» не только от шоссе) – место творческого и духовного становления лирического героя. Интересно проследить смену авторской позиции: тюрьма,

стадион изображаются только снаружи, парк – изнутри, училище – снаружи и изнутри. Лирический герой соотносит себя с двумя последними компонентами художественного пространства, осознавая при этом музыкальное училище как актуальный локус, созвучный своему внутреннему строю.

Несмотря на сходство по высоте (три этажа) и стремление к небу, тюрьма задает земную, а училище – онтологическую вертикаль художественного пространства. Значение тюрьмы, охарактеризованной через вечный образ тянущейся к небу Вавилонской башни, развенчивается эпитетом *всегдашний*: «Она была не вечной, но всегдашней» [Непомнящий, электронный ресурс, брянские.рф//v-osennij-den-malenkaya-poema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLkKbK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxzXyZvS5N3B7ip0Q]. Уподобление тюрьмы окружающим ее новостройкам подтверждает ее обыденность – всегдашность, т. е. неизбежность в «человеческом муравейнике» и невозможность в вечности, сопоставимой со свободой духа и творчества. Только училище определяет движение вверх: «И я, по серым каменным ступеням / Взбегая на этаж, ближайший к небу...» [Непомнящий, электронный ресурс, брянские.рф//v-osennij-den-malenkaya-poema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLkKbK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxzXyZvS5N3B7ip0Q]. Здесь лирический герой постигал звук и предчувствовал слово. Онтологическая вертикаль имеет акустическую природу: «А музыка рвалась до небосвода, / И опадала, и опять росла...» Настоящее осознается в контексте вечного – увиденный сверху, из окна, мир теряет краски, изображается «в дыму осеннем»: «Там, там, внизу, вдали от всех химер... / На сером обесцвеченном асфальте, / Лежала в ночь упавшая листва, / Которая и впрямь была мертва» [Непомнящий, электронный ресурс, брянские.рф//v-osennij-den-malenkaya-poema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLkKbK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxzXyZvS5N3B7ip0Q].

В поэме четко задан вектор движения: от мучительного духовного рабства (тюрьма) и низменности чувств (стадион) к осознанию собственных возможностей (парк) и творческой свободе (училище). Четыре компонента пространства, выстроенные в определенной последовательности, представляют собой путь, на который обречен в этом мире каждый (но не каждый проходит его до конца): от духовного рабства через осознание эмоциональной и событийной полноты земной жизни к пониманию себя: переживанию стыда, стремлению оставить свой след на земле и, наконец, – к постижению «свободы // И тайной гармонии» (музыкальное училище). Училище – единственный локус, составляющий оппозицию остальным трем элементам художественного пространства по принципу *вечное* («бессмертье»: музыка и поэзия) – *преходящее* (земные радости и горе: «И все пройдут: охранники и зэки...») [Непомнящий, электронный ресурс, брянские.рф//v-osennij-den-malenkaya-poema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLkKbK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxzXyZvS5N3B7ip0Q].

Если акустический облик Советского района определяет музыкальное училище и стадион, то звуковую доминанту Фокинского района задает железная дорога: в ночной «тьме безголосой» «изредка всхлипнет гудок паровозный» [Непомнящий, 2013, с. 5]. Лирический герой чуток к «разговору / Тяжелых звезд

и поездов ночных» [Непомнящий, 2004, с. 28] и долетающим до него в бессонницу с железнодорожного перрона «междометьям / Скорых, пассажирских и товарных» [Непомнящий, 2009, с. 35]. Эмоциональная окраска звука характеризует внутреннее состояние героя. Так, в пору любви безответной, «в час дорассветный – не спится! – товарный, товарный, Товарный, товарный скрежесет на стыках во тьме...» [Непомнящий, 2004, с. 45]. Гудки поездов ассоциируются с бездной, угадывающейся «в сизом сумраке» за почти отвесно падающим снегом: «Нечасто, а вернее, иногда / На смутные гудки автомобилей / С перрона отвечали поезда...» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522] и имеют всеобъемлющий и всепроникающий характер: слышны даже на окраине города – «В каком-то переулке безмянном», где «торжествует тишина» [Непомнящий, 2009, с. 41] и в уединенном парке: «В аллеях парка тишина, / А всё-таки не тихо: / С перрона близкого слышна / Гудков неразбериха. / Сперва короткий, а потом / Два долгих, как живые, / Всё чертят в воздухе пустом / Незримые кривые» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522]. Гудки имеют собственный ритм и рисунок, скрытый от непосвященного и уводящий *в иное измеренье*. Они созвучны голосу природы и имеют бытийную природу: «То хрустнет ветка тополя, а то / С разъезда ей товарный отзовется» [Непомнящий, 2009, с. 41]; «Тепловозным озябшим гудкам / Отзывается гром, / Пробегающий по облакам»; «Шорох... шелест, шелест... снова шорох... / И гудки товарных или скорых, / Потому что станция близка...» [Непомнящий, 2004, с. 3, 12].

Несмотря на онтологическое звучание поездов, их ритмичный перестук символизирует земной путь и противостоит вечной тишине: «Поезда гул замирающий / Звёздным пространством храним... / Нет, не пора, не пора ещё / Той тишине, что за ним...» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=270629880220900&id=100008217438522]. Пока «бушуют поезда» [Непомнящий, 2013, с. 12], жизнь продолжается, одухотворяется и наполняется смыслом, а в ночную осеннюю немоту «от звука до другого звука – / Только мука, мука, мука, мука... / И тоска, тоска...» [Непомнящий, 2004, с. 12]. Железная дорога в ее звуковом воплощении совпадает с высшим уровнем земной вертикали: «В прямоугольнике окна / Видна шоссе́нная дорога, / А в сумерках сквозь дымку сна / Слышна железная дорога, / А если отворить окно, / В то время как темным-темно, / Увидишь: чуть пониже Бога / Течет небесная дорога...» [Непомнящий, 2009, с. 49].

Образы железной дороги возникают в качестве продолжения заданной применительно к училищу темы диалектики музыки и поэзии, в частности конкретизации представления о неуловимых смыслах слов, которые подобны «ключьям дыма, / Гонимым ветром над ночным перроном, / Не солнцем – фонарями освещённым / В бессонницу, а может быть, во сне» [Непомнящий, электронный ресурс, брянские.рф/v-osennij-den-malenkaya-poema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLkKbK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxZxYzV5S3B7ip0Q]. Бытийное значение железной дороги усиливается благодаря ее изображению на фоне природы: «снежная тишина», «Клубилось небо вдоль обочин», «Вполсили,

кажется, горя, / Над плоской крышею вокзала / Вставала нехотя заря / И путь неровно освещала», «снега матовое пламя» [Непомнящий, 2013, с. 21–22].

Составляя главную приметку привокзального локуса, железная дорога выступает смысловой константой брянского текста И. Б. Непомнящего. Она не только используется в качестве метафоры города и отдельной человеческой судьбы, но и служит для создания образа страны и эпохи: «В поэзии российской одиноко / Без песен про тюрьму и про суму... / Железный век, железная дорога / Не существуют в ней по одному. / В письме Всея Руси императрицы / Железным век был назван в первый раз / И послужил, как ныне говорится, / Фундаментом железных дел и фраз. / А там – от Боратынского до Блока / И далее, до нынешнего дня, – / Железный век, железная дорога / По самой сути кровная родня» [Непомнящий, 2009, с. 27].

Атрибутами железной дороги выступают перрон, переходной мост и поезда. Мост имеет ярко выраженное значение границы, структурирующей земное пространство и одновременно служащей его пределом: «Там, на границе мироздания, / Там, над мостом переходным» [Непомнящий, 2013, с. 21]. В соотношении с биографическим временем лирического героя – здесь (сейчас) и там (тогда): «Здесь, на границе мироздания, / Здесь, над мостом переходным» [Непомнящий, 2013, с. 22] – хронотоп моста делит его жизнь на этапы юности и зрелости, соотносимые с динамичным образом дороги и статичным образом перрона, соответственно.

Семантикой выхода за границы наделяются поезда; прежде всего за границы несбывшегося («несбывшихся встреч и разлук»): «Из тех незамутненных лет, / Из тех, которые в начале, / Мне поезда гудят вослед / В железной неге и печали» [Непомнящий, 2013, с. 21], и реального – хранят память об отце: «И только поезда / В моих ночах его лелеют строки...» [Непомнящий, электронный ресурс, брянские.рф//v-osennij-den-malenkaya-poema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLKBk0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxzXyZvS5N3B7ip0Q]. Гул уходящего поезда напоминает лирическому герою о том, что человек всего лишь путник в этом мире: «Нет ничего моего в мирозданье – / Разве что долгий, слабеющий звук...» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522].

Вместе с тем поезда реализуют традиционную символику движения, пути, развития. Эмоциональная окраска образа меняется с взрослением лирического героя: ранние поезда соответствуют его ритмичным перемещениям в пространстве (сопровождают дорогу в школу), «гудят вослед»; летят за горизонт, к цели; указывают на гармонию с миром и активность в его постижении: «Был каждый шаг мой слышен в мире»; «И мне на все хватало слов» [Непомнящий, 2013, с. 21]. Поздние поезда «В ночь отбывают», провожаемые призрачным светом чужих звезд: «И над перроном мерцает устало, / Их провожая, чужая звезда» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522]; «Уходят, уже не меня, а других маня, / За линию горизонта, судьбы и дня»; «Уехали-укатили за край небес, / И кажется, что и след их в дыму исчез» [Непомнящий, 2017, с. 85].

Поздним поездам сопутствует статичный образ перрона, который, как правило, изображается безлюдным, ночным или вечерним, зимним или просто холодным, продуваемым ветрами: «Зима... Пустой перрон... Вечерние ступки / Электропоездов...» [Непомнящий, 2017, с. 43], «На сером перроне гудкие сквозняки» [Непомнящий, 2017, с. 85]. Во второй части стихотворения «Ковшовская школа» повзрослевший лирический герой остро переживает пустоту («Пустынен крошечный перрон») и враждебность («Так воздух труден, что, быть может, – / Не раздышаться нипочем» [Непомнящий, 2013, с. 22]) родного пространства: вместо манящей безбрежности снежного пути – «Лишь снега матовое пламя / Теснит меня со всех сторон» [Непомнящий, 2013, с. 22]. «Пустынный ночной перрон» используется как метафора одиночества, жизненных потерь: «Транзитный пассажир, уставший от транзита, / Маячу на ветру...» [Непомнящий, 2017, с. 43]. «Озноб перронных огней» дается в одном смысловом ряду с «пустеющим домом родным» и «могилой на здешнем погосте» [Непомнящий, 2013, с. 54]. В стихотворении «Мои поезда уходят – один за другим...» встречается редкий (если не единственный) случай панорамного изображения густо населенного перрона: «Философы, работяги, штурмовики, / Священники, вольтерьянцы, гробовщики, / Блустители, конформисты, / Бунтовщики, / Юнцы, юницы, старухи и старики» [Непомнящий, 2017, с. 85]. Высокая динамика внешнего пространства – «уехали–укатили», – контрастируя со статичной позицией героя: «А я остаюсь как дерево или куст» [Непомнящий, 2017, с. 85], подчеркивает драматизм его переживаний: «И с каждым из уходящих все горше пуст» [Непомнящий, 2017, с. 85]. Перрон – это точка бифуркации: здесь обитает сама судьба: «Точно женщина, судьба / Ночью на пустом перроне / вытирает пот со лба / Тыльной стороной ладони» [Непомнящий, 2004, с. 10]; здесь задается движение и определяется его направление: «И молчаливый свет его огней / Все тянет нас то в небо, то в кочевье...» [Непомнящий, 2004, с. 19]. Перрон – это еще и молчаливый, а потому честный свидетель эпохи: «О жизни, уходящей в темноту, / Ночной перрон, мерцающий лилово, / И человек, стоящий на мосту, / Уже не в силах вымолвить ни слова» [Непомнящий, 2004, с. 52].

Хронотоп железной дороги структурирует художественное пространство и время, деля его на две части: 1) пространство жизни, т. е. малое (интимное), включающее в себя двор и прилегающие к нему сквер и парк – (перед мостом), и 2) пространство учебы, духовного роста, представленное школой и соотносимое с прошлым (за мостом). Ковшовская школа – символ духовного роста, абсолютных ценностей, воплощенных, например, «в веке золотом – / Некрасове, Лекове и Толстом», в произведениях которых можно найти «оправданье русской боли» [Непомнящий, электронный ресурс, брянские.рф//v-osennij-den-malenkaya-roema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLkK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxZyZvS5N3B7ip0Q]. Образ школы имеет еще семантику памяти о матери и отце, школьном детстве самого лирического героя. Школа, являясь атрибутом идеального, находится в оппозиции ко всему обыденному, переходящему (автор настаивает на ее изолированном и отдаленном положении – «за переходным мостом», «за мостом переходным») и начинается с дороги к ней. Многократность и привычность ее преодоления наводит на мысль о нераздельном и вневременном единстве героя

с городом: «И может быть, с тех самых пор / Вдоль той дороги тот суглинок, / Вступая с этим веком в спор, / Хранит следы моих ботинок» [Непомнящий, 2013, с. 21]. Путь в школу – неблизкой: «Версты пожалуй что четыре» – «в снежной тишине» предстает как путь очищения и осознания гармонии с миром: «Был каждый шаг мой слышен в мире»; «Клубилось небо вдоль обочин, / И мне на все хватало слов, / Поскольку сам я был бессрочен» [Непомнящий, 2013, с. 21]. Лирический герой еще не испытывает сопротивления среды: «И не был ветер ледяным, / И не стеснял еще дыханья» [Непомнящий, 2013, с. 21]. Характерно, что не показана обратная дорога; таким образом выявляется метафорическое значение школы как воплощения духовного опыта человечества, подчеркивается значимость этого элемента художественного пространства (в противовес периферийному положению школы в пространстве реальном).

Перед мостом расположены родной «двор, / При доме сорокавосьмиквартирном» [Непомнящий, 2013, с. 55], ближайшие к нему сквер и парк, а также населяющие их тополя, клены, рябины, сирень, которые однородны по семантике и представляют малое, интимное, пространство лирического героя, имеющее для него абсолютную значимость и составляющее устойчивый фон счастливой жизни: «За окном, напротив, / Тополь с облетающей вершиной / Долго смотрит вслед летящей птице... / А в соседней комнате, я слышу, / Разговор вполголоса о школе, Чехове, крыжовенном варенье, / И я знаю, что такое счастье...» [Непомнящий, 2013, с. 31]. Это пространство стабильно и абсолютно, как само мироздание: «Выйдешь из дому – холод и свет, / По-над крышами солнце встает, / Есть пространство, а времени – нет...» [Непомнящий, 2017, с. 101]. Герой переживает архитипическое родство с кленами во дворе и в парке: «Эти клены постарше меня, / А быть может, ровесники мне, / Потому-то почти что родня / Желтизна их – моей седине» [Непомнящий, 2017, с. 101]; «Там, на самом утре дня, / Пламеня в ближнем парке, / Клен багряный на подарки / Не скупится для меня...» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522]; или с сиренью во дворе, посаженной «дедом Иосифом» и служащей источником ностальгических воспоминаний: «Лишь с каждой гроздью чувствую родство / В сыром дворе, в пространстве оробелом» [Непомнящий, 2013, с. 39, 56].

Важнейшим атрибутом малого пространства выступает тополь, осознаваемый в контексте жизни героя и символизирующий побежденное время, не властное над любовью, памятью и совестью: «И тополь, цветущий среди неподвижного лета, / Клубится, как исповедь, в тесном колодце двора...» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522]. Старый «тополь, которого нет и в помине», живет в снах и воспоминаниях лирического героя, «Чтоб совсем одиноким его не оставить в пустыне» [Непомнящий, 2013, с. 5]. Тополь предстает то романтичным: «долго смотрит вслед летящей птице» [Непомнящий, 2013, с. 31], то беспокойным и незащитным: «За окнами толпились тополя, / И волновалась их листва живая, / Бог весть кого о помощи моля»; то страдающим: «В окне – зажжённая лампада, / Ограда парка, тополя / Там, за решёткою,

в неволе, / Обыденной для этих мест, / И ощущение тонкой боли / Пронизывает всё окрест» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522]; владеющим словом и заключенным в нем глубинным смыслом бытия: «Все шумит и шумит, все бормочет свои междометья» [Непомнящий, 2013, с. 5]. Обращение к библейскому сюжету придает этому образу статус вечного: за окнами молящая о милости «листва живая», речь которой «всегда одна и та же, / Опять от мира отвела беду... / Так, может быть, моление о Чаше / Звучало в том Саду» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522]. Еле слышный ночной шелест тополей, значение которого «темно, / Словно значенье молитв», наряду с тепловозными гудками составляет акустический образ города и определяет его бытийную природу: «Как сумасшедшая бредит листва... / Чтоб не случиться беде» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522]. Тополиный пух при «слабом свете» луны «в ближнем небе» окутывает землю таинственной дымкой и выступает посредником между небом и землей: «Тополиный теплый пух / Чуть мерцает за окном / И как будто дразнит дух / Полубылью-полусном. / В этот поздний час ночной / Полубыли-полусны / Гравитацией земной / От небес отлучены» [Непомнящий, 2017, с. 96].

Малое пространство лирического героя, ближайшее к его родному дому, характеризуется, с одной стороны, четкостью линий и территориальной определенностью: «Тумба с афишей. / Парка ограда, / Площадь, киоски, / Куст, / Дом – / Все, как в наброске. / Нечерновом» [Непомнящий, 2013, с. 7]; с другой – размытостью, стиранием границ и, как следствие, визуальным расширением, рождающим мысли о смысловом единстве, непостоянстве и непостижимости мира: «И снова снегопад лилово-белый / Плывёт сквозь этот двор, и сад, и куст, / И снова им раздвинуты пределы, / И воздух то ли тесен, то ли пуст. / И нет на белом свете постоянства, / И зыбок мир, как след карандаша...» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522]. От четкости карандашного, *нечернового*, наброска остаётся всего лишь призрачный след: «Выпал снег – и все в намеке, – И тропинки в тесном дворике – / Как лирические строки, – / Избежавшие риторики» [Непомнящий, 2004, с. 33]. Городские дворы и предместья – «ближние миры» осознаются в оппозиции к «дальним созвездиям» [Непомнящий, 2013, с. 7]. Таким образом, каждый уголок малого пространства лирического героя находит свое место в общей картине мироздания.

Как видим, в брянском тексте И. Б. Непомнящего значительное место занимают образы, соотносимые с Фокинским районом (железная дорога, школа, парк и др.), относительно недавно выросшим вокруг железнодорожного узла и кардинально отличающимся от исторического центра Брянска (Советского района) по структуре и содержанию культурного ландшафта, по менталитету жителей. Разница между этими двумя основными локусами художественного пространства отчетливо проявляется в описании двух парков, территориально соотносимых с Советским и Фокинским районами города.

Сложная, противоречивая история Советского парка, его уникальность предопределили амбивалентную природу его образа, в котором органично сочетается *скорбь* (лилово-черная решетка «цвета траура и скорби миротворной»), напоминающая о «кладбищенской» предыстории локуса) и *радость* (имени «певца любви и трубадура света» А. К. Толстого); *бедность* материальная («Был беден парк – бедней церковной мыши» [Непомнящий, электронный ресурс, брянские.рф//v-osennij-den-malenkaya-poema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLKbK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxzXyZvS5N3B7ip0Q]) и *богатство* культурное («Был этот парк в державе знаменит...») [Непомнящий, электронный ресурс, брянские.рф//v-osennij-den-malenkaya-poema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLKbK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxzXyZvS5N3B7ip0Q]). Топос парка соотносится со временем историческим и событийным. *Прошлое* связано с размышлениями об истории парка (прежде всего появлении деревянных скульптур) и воспоминаниями «про семьдесят девятый / Год, словно про Троянскую войну», – момент стабильности и покоя на краю пропасти – афганской войны. *Настоящее* – с активностью человека в преобразовании пространства: «В согласии кивала им эпоха»; оно материализуется в многочисленных рукотворных объектах: деревянных скульптурах, рождающих целый спектр ассоциаций; «летней дощатой эстраде», «недетских качелях-каруселях», «газетных киосках», «павильоне... / Где выдавали шахматные доски» (к слову сказать, только этот объект находится в уединении – «под сенью лип и вязов вековых...») [Непомнящий, электронный ресурс, брянские.рф//v-osennij-den-malenkaya-poema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLKbK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxzXyZvS5N3B7ip0Q]). *Будущее* проявляется в дерзких мечтах юного героя: «Я будущее звал на поединок / В осенний день, лазурно-золотой» [Непомнящий, электронный ресурс, брянские.рф//v-osennij-den-malenkaya-poema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLKbK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxzXyZvS5N3B7ip0Q]). Благодаря концентрации историко-культурных смыслов парк характеризуется эстетической, эмоциональной и интеллектуальной полнотой.

Фокинский парк онтологичен, он – вне времени прежде всего за счет доминирования в его хронотопе субъективного времени лирического героя и нерукотворных атрибутов микро- и макрокосма. Так, лирическая зарисовка парка служит контрастным фоном пестрой череде телевизионных передач, символизирующих бесконечную и веселую суету жизни. Пейзаж за окном, напротив, неподвижен и вечен: «...А метрах в сорока, во влажном парке, / Темневшем в незашторенном проёме / Огромной детской, сумрачно и сонно / Теснимый тепловозными свистками, / Всю ночь под грозowymi облаками / Клубился жаркий шорох тополей» [Непомнящий, 2017, с. 49]. В предзвездье и «в предрождественские дни» скромный провинциальный парк семантически сближается с Вселенной и предстает ее частью: «Тишина в соседнем парке / Горней тишине сродни...» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522], а привычные действия человека осознаются как результат вечного выбора пути: «День-деньской – и ляжет снег, / И под утро в парке этом / Небо, куст

и человек / Озарятся хрупким светом. / По аллее снежной путь / Не смутит первопроходца» [Непомнящий, 2013, с. 57]. Будничная дорога через парк обретает значимость земного маршрута, а идущий по ней – ответственность за каждый прожитый миг и оставленный след на чистом листе бесконечной книги бытия, бесстрастно фиксирующей человеческие взлеты и падения. Мартовская оттепель, как момент истины, срывает белые одежды и обнажает несовершенство земного мира: «И в нищенском, сыром, в сиротском этом парке / Хранят размокшие снега / Почти оплывший след сторожевой овчарки, / А рядом – след от сапога» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522]. Границы между парком, сквером, двором, как правило, размыты, а в тех редких случаях, когда внимание акцентируется на ограде, пространство парка – «Там, за решёткою» – выступает аналогом «неволи, / Обыденной для этих мест, / И ощущение тонкой боли / Пронизывает всё окрест» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522]. Совершенно другая эмоция сопровождает восприятие Советского парка: переполняющее героя чувство «грустной красоты». Его пространство ассоциируется с социокультурными ценностями (творчества, искусства, славы, интеллектуального досуга), а пространство ничем не примечательного, уединенного Фокинского – с абсолютными (свободы, выбора пути, ответственности).

Если Советский парк – бедный, то Фокинский, как и сквер неподалеку, и родной двор, – *нищенский, сиротский*: «В нищем парке...» [Непомнящий, 2013, с. 7], «...нищий скверик, / заваленный тяжелыми снегами» [Непомнящий, 2013, с. 26], «В дворовом обшарпанном палисаде» [Непомнящий, 2013, с. 65]. Соответствующее действительности отсутствие значимых культурно-исторических объектов в малом пространстве героя (территория-прообраз представляет собой преимущественно рабочий и спальный район и характеризуется содержательной разреженностью), вероятно, повлияло на выбор смысловых констант, в качестве которых выступают тишина и нерукотворные образы (тополя, клена, рябины, липы, сирени). Город в своей естественно-природной составляющей воплощает абсолютные ценности. Время в нем течет неторопливо и соразмерно *бытийному* времени и *субъективному* времени лирического героя: «По-осеннему сумрачный двор / Чуть подсвечен слепым фонарем. / В сизом воздухе тлеет костер / Из разодранных утренних дрем» [Непомнящий, 2017, с. 101]; во дворе «Цветет сирень, как сорок лет назад // Она цвела...» [Непомнящий, 2013, с. 56]; «И до самого заката / В палисаднике пустом / Липа дремою объята / И не шевельнет листом» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522]. Разные временные модусы соотносятся с гетерогенными мирами и составляют единое абсолютное время, которое «уводит во вчера, / Как в иное измеренье» [Непомнящий, 2013, с. 57]. Событийная разреженность подчеркивается указанием на обыденность и бесконечную повторяемость происходящего: «...А ровно в пять в соседнем сквере /

Синхронно вспыхнут фонари» [Игорь Непомнящий, электронный ресурс, www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522]. Как видим, в качестве одного из принципов организации брянского текста И. Б. Непомнящий использует бинарность, «которая организует универсальное множество элементов культуры города по признаку полярности» [Гришанин, 2007, с. 16]. В результате соотношения сходных по смыслу метафор с определенным локусом происходит мифологизация пространства, каждый элемент которого наделяется сугубо индивидуальными чертами.

Идиостилю И. Б. Непомнящего отчетливо проявляется в структурировании пространства городских локусов, прообразами которых послужили Фокинский и Советский районы Брянска, прежде всего в определении вектора развития действия: в направлении к месту учебы (средней школы или музыкального училища), выступающему метафорой идеального мира приобщения к истинным ценностям, имеющему вневременное значение. Объектом поэтической рефлексии становятся порой самые заурядные явления, которые трансформируются в глубоко индивидуальные черты брянского текста, специфику которого в наибольшей степени отражают такие константные образы, как железная дорога и парк. Они структурируют художественное пространство и определяют визуальный, акустический и содержательный облик города.

Реальное пространство качественно преобразуется за счет насыщения его литературно-культурными образами. Благодаря синтезу разноплановых характеристик, тесному переплетению реального и воображаемого, сиюминутного и вечного воссоздается глубоко индивидуальный, многомерный и богатый содержанием образ города. Его очертания ясно проступают сквозь общую размытость линий, смешение эпох и народов. Несмотря на смысловую целостность городского пространства, каждый из представленных локусов имеет свое лицо, свой характер и даже свое звучание. Однако, если Советский район, с которого начинался Брянск, хорошо известен брянскому тексту, то Фокинский – у И. Б. Непомнящего впервые становится предметом творческого переосмысления. Его характер не описывается, а создается, рождается современная мифология города. Это тот случай, когда талантливый писатель творит и дописывает локальный текст, наполняя его новым смыслом и придавая черты, созвучные самому автору. Благодаря творческой энергии поэта эта мало чем примечательная территория обретает неординарный облик и предстает достойной частью мироздания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гришанин, Н. В. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии / Н.В. Гришанин. – Санкт-Петербург, 2007. – 23 с.

Данилов, Д. А. Необъятный маленький Брянск. Советский город древнее Москвы / Д. А. Данилов // Русская жизнь. – 2007. – 3 августа. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/197> (14.09.2015).

Егорыч. Брянск // Самиздат: журнал. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://samlib.ru/e/egorych/54675.shtml> (24.01.2016).

Игорь Непомнящий // Facebook. – [Электронный ресурс]. – URL: www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522 (01.03.2020).

Люсый, А. П. Крымский текст и семантические войны / А. П. Люсый // Русская идея: сайт политической консервативной мысли. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://politconservatism.ru/experiences/krymskiy-tekst-i-semanticheskie-voyny/> (23.08.2015).

Метельский, Г. В. Листья дуба: повесть о родной стороне / Г. В. Метельский. – Москва: Мысль, 1974. – 255 с.

Непомнящий, И. Б. В осенний день: маленькая поэма / И. Б. Непомнящий // Брянские.рф. – 08.05.2019. – [Электронный ресурс]. – URL: bryanskie.rf/v-osennij-den-malenkaya-poema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLKbK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxZyZvS5N3V7ip0Q (11.05.2019).

Непомнящий, И. Б. Восковое крыло: стихи / И. Б. Непомнящий. – Брянск, 2009. – 76 с.

Непомнящий, И. Б. Ночной перрон: стихи / И. Б. Непомнящий. – Брянск, 2004. – 56 с.

Непомнящий, И. Б. Смотровая площадка / И. Б. Непомнящий. – Москва: ВАКО, 2017. – 112 с.

Непомнящий, И. Б. Час снегопада / И. Б. Непомнящий. – Брянск, 2013. – 67 с.

Непомнящий, Н. А. Всё помнящий Непомнящий / Н. А. Непомнящий // Хроники Б-ска. / ред. К. Д. Цукер. – Брянск, 2015. – С. 10–83.

Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 3. Письма, Октябрь 1888 – декабрь 1889 / А. П. Чехов. – Москва: Наука, 1976. – 573 с.

Щукин, В. Г. Как и почему рождается литературный локальный текст / В. Г. Щукин // Парк Белинского: общественно-политический, историко-публицистический, историко-художественный журнал. – 2012. – № 1. – С. 30–46.

REFERENCES:

Снеkhov, A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 3. Pis'ma, Oktyabr' 1888 – dekabr' 1889 / A. P. Snekhov. – Moskva: Nauka, 1976. – 573 s.

Danilov, D. A. Neob'uyatnyj malen'kij Bryansk. Sovetskij gorod drevnee Moskvy / D. A. Danilov // Russkaya zhizn'. – 2007. – 3 avgusta. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/197> (14.09.2015).

Egorych. Bryansk // Samizdat: zhurnal. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://samlib.ru/e/egorych/54675.shtml> (24.01.2016).

Grishanin, N. V. Tekst, simvol, mif v semioticheskom analize gorodskoj kul'tury: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii / NV. Grishanin. – Sankt-Peterburg, 2007. – 23 s.

Igor' Nepomnyashchij // Facebook. – [Elektronnyj resurs]. – URL: www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2700629880220900&id=100008217438522 (01.03.2020)/

Lyusyj, A. P. Krymskij tekst i semanticheskie vojny / A. P. Lyusyj // Russkaya ideya: sajt politicheskoy konservativnoj mysli. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://politconservatism.ru/experiences/krymskiy-tekst-i-semanticheskie-voyny/> (23.08.2015).

Metel'skij, G. V. List'ya duba: povest' o rodnoj storone / G. V. Metel'skij. – Moskva: Mysl', 1974. – 255 s.

Nepomnyashchij, I. B. V osennij den': malen'kaya poema / I. B. Nepomnyashchij // Bryanskief.rf. – 08.05.2019. – [Elektronnyj resurs]. – URL: bryanskief.rf/v-osennij-den-malenkaya-poema-16152/?fbclid=IwAR29dg5j5eLkKbK0Zu2Mz7lueOtdMajgRCoK5o9v0C-mxzXyZvS5N3B7ip0Q (11.05.2019).

Nepomnyashchij, I. B. Voskovoe krylo: stihi / I. B. Nepomnyashchij. – Bryansk, 2009. – 76 s.

Nepomnyashchij, I. B. Nochnoj perron: stihi / I. B. Nepomnyashchij. – Bryansk, 2004. – 56 s.

Nepomnyashchij, I. B. Smotrovaya ploshchadka / I. B. Nepomnyashchij. – Moskva: VAKO, 2017. – 112 s.

Nepomnyashchij, I. B. CHas snegopada / I. B. Nepomnyashchij. – Bryansk, 2013. – 67 s.

Nepomnyashchij, N. A. Vsyo pomnyashchij Nepomnyashchij / N. A. Nepomnyashchij // Hroniki B-ska. / red. K. D. Cuker. – Bryansk, 2015. – S. 10–83.

SHCHukin, V. G. Kak i pochemu rozhdetsya literaturnyj lokal'nyj tekst / V. G. SHCHukin // Park Belinskogo: obshchestvenno-politicheskij, istoriko-publicisticheskij, istoriko-hudozhestvennyj zhurnal. – 2012. – № 1. – S. 30–46.